

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses and black vines. The roses are stylized with multiple layers of petals, and the vines are thin and winding, with small leaves. The pattern is dense and covers the entire area.

Татьяна Трунова

Семейное достояние

Татьяна Юрьевна Трунова

Семейное достояние

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33585466

SelfPub; 2018

Аннотация

На поминках бабушки украли дорогие лафитники? Обидно, неприятно, но не конец света. А вот их поиск может повлечь совсем другие события....

Поминки бабушки шли своим чередом. Тетя Катя с деревенской основательностью вкушала щи, Анечка, ее внучка, тайком уткнулась в телефон, мама вполголоса разговаривала «о божественном» с тетей Шурой. Остальные просто молчали. Тишину нарушал лишь редкий звон вилок о фарфор. Заглядывающее в окно скудное ноябрьское солнышко делало комнату похожей на аквариум с желтоватой водой, где, тараща глаза и скорбно поджимая рты, плавала стая рыб в траурных черных одеяниях. Транс поминок прервал бабушкин кот Барсик. Эта полосатая скотина вскочила на свободный стул и мелодично замаякала, привлекая внимание окружающих. Когда все глаза устремились на него, кот задрал хвост, как-то издевательски потряс им и сделал лужу. Ожидать аплодисментов благодарной публики Барсик не стал и правильно сделал. С воплем «ах ты, сволочь!» мама погналась за котом, крайне неожиданно, судя по виду тети Шуры, прервав свой чинный рассказ о посещении монастыря Матрены Московской.

Общество оживилось, задвигалось.

– Ну, помянем, что ли, – предложил дядя Андрей.

Он споро разлил по хрустальным лафитникам водку. Пили ее все по-разному: кто-то морщась, кто-то профессионально закидывая после выдоха, а кто-то – отпив глоточек и отставив в сторону. Бестактность совершила Анечка – потянулась чокнуться. Потом спохватилась, отпрянула. Но ее лафитник уже задел бабушкину емкость. Поплыл нежный,

какой-то колокольчиковый звон. Поняв, что привлекла к себе внимание, Анечка смущенно улыбнулась. Я выпила свою порцию, не чувствуя вкуса. Похороны вымотали меня физически и морально. Я чувствовала себя облаком, одним из тех, что плыли за окном. Такая же отстраненная и наблюдающая за всем словно со стороны.

– Ты закусывай давай, – толкнули меня в бок.

Светка, моя подруга, пришедшая на похороны и на поминки, дабы поддержать морально.

Я послушно подцепила на вилку кусок нарезки с блюда. Вяло зажевала.

Гречка с котлетами, компот... Все. Первой рванула на выход Анечка, виляя попой в обтягивающей юбке. Остальные собирались неторопливо, степенно.

– Ну, нам пора, Леночка, – тетя Катя вытерла полотенцем губы и принялась вставать из-за стола. – Тогда на сорок дней приедем.

– Конечно, тетя Катя.

– Ты вот что... – старушка придержала меня за локоть. – У нас антоновка в этом году уродилась. Ты приезжай. Наберешь, сколько хочешь. Варенья наваришь.

– Спасибо, тетя Катя.

Женщина кивнула и отправилась дальше в прихожую.

– Дядя Андрей, шарф не забудь, – окликнула я слегка набравшегося родственника. Тот, сопя, натягивал ботинки. – Хочешь, я тебе такси вызову?

– На автобусе бесплатно доеду, – отрезал всегда скупой дядя Андрей.

– Леночка, ну мы договорились? – заискивающе улыбнулась соседка тетя Тася. На поминки она буквально напросилась, хотя старую традицию держать дверь открытой, чтобы каждый из соседей мог зайти и помянуть покойника, никто не отменял.

– Подумаю, – я была уклончива.

– Я в туалет зайду? – смущенно улыбнулась она.

– Да, конечно, в конце коридора первая дверь.

– До свидания, Леночка, – церемонно наклонила голову тетя Шура. Натягивая демисезонное, когда-то модное, пальто и одновременно подставляя пергаментную щечку для поцелуя, она попросила: – Ты приезжай ко мне в гости. А то даже и не звонишь.

Я обещала. С тетей Шурой мы почти не общались. Когда-то она удачно вышла замуж в Москву. И загордилась, почти перестав общаться с родственниками. «Москвичка», – презрительно отзывалось о ней старшее поколение. Мне было все равно до их разногласий. Но в гости меня тоже никогда не приглашали. А тут на тебе! Видно, к старости тетушка Шура стала сентиментальной.

– Ленок, – позвала меня Светка, молча дождавшаяся, пока я попрошайюсь со всеми родственниками. В руках она держала большую кастрюлю с остатками щей. – Я тоже пошла.

– Ты уверена, что себе щей оставить не хочешь? – озабо-

ченно спросила она. – Хорошие, вкусные щи.

– Ты что, – замахала я руками. – Я их терпеть не могу, мама тоже не фанат. А тебе на работу завтра. И готовить не придется.

– Ну ладно, спасибо. Тогда я пошла.

– Спасибо тебе за все, – обняла я подругу.

Дверь, обитая коричневым дерматином с ватной подбивкой, хлопнула. Прихожая снова стала просторной, а квартира привычно тихой. О гостях напоминали лишь следы грязной обуви на линолеуме.

Мама прилегла отдохнуть, а я пошла оценивать фронт работ. Делать ничего не хотелось. Я подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу. Вот и бабушка ушла. Царствие ей Небесное. Мало нас осталось. Мысль была неожиданной и грустной. Тетя Шура, тетя Катя, дядя Андрей... Анечка была племенем младым и незнакомым, к семейным мероприятиям она относилась с едва скрываемым презрением. С ее восемнадцатилетней колокольни это было скучно. А я помнила еще многолюдные совместные обеды, коими руководила всегда властная прабабушка. Дубовый стол с белейшей скатертью, запах еды, вишневого оттенка парующий чай в тонкого фарфора чашках, обязательный графинчик с водкой и сизые пряди табачного дыма от папиросы крестного Мишки. Они стоят с дедушкой у открытого окна и о чем-то беседуют. Многие молоды и многие живы... На коленях у бабушки мелкая я, в глазах которой отражается этот теплый

и уютный мир. Сейчас от него остались лишь прабабушкины дубовые мебели, торжественный воскресный сервиз, серебряные ложечки да те самые хрустальные лафитнички, из которых мы поминали бабушку.

Взгляд зацепился за мощную старую иву, росшую у детской площадки. Еще вчера ива хвасталась желтым облаком листьев, а сегодня ее наряд поистрепался. Половина листьев лежала на земле, остатки же не могли скрыть голых прутьев, выглядывающих то здесь, то там. Над ивой вытягивались длинные языки облаков с тяжелым коричнево-серым низом. Наверное, наверху был сильный ветер, потому что они двигались нехарактерно быстро для столь неповоротливых форм. Сияющая голубизна то показывалась сквозь них, то опять исчезала. Завораживающее зрелище. А потом придет зима. Зимой ива будет похожа на редкий веник, весной покроется зеленой дымкой, которая затем превратится в ворох узких листьев. Потом снова осень и снова длинные языки облаков с тяжелым коричнево-серым низом полетят в сияющей голубизне ноябрьского неба. И это будет моей маленькой вечностью, пока на моих поминках кто-то не скажет, поднимая лафитник с водкой: «Ну, помянем, что ли?»

Тьфу ты, черт! Еще расплакаться не хватает! Я отвернулась от окна и отправилась мыть посуду. Управилась где-то за час. Удовлетворенно оглядела дело рук своих. Парадные тарелки сохли в сушилке, блюда, чашки, ложечки во главе с пузатым самодовольным чайником расположились на по-

лотенце. «Так, а лафитники где?» Лафитников не было. Их не оказалось ни на полотенце, ни на сушилке, ни на столе с так и не снятой пока скатертью. Я обыскала все еще раз. Лафитников не было. «Может, мама куда поставила? Но она спать пошла...» Я суетливо выдвигала ящики, заглянула даже в холодильник, в надежде, что впопыхах просто сунула не туда. Лафитников не было. И тут меня накрыло. Мир, в котором я всегда жила, мир из воспоминаний и старых вещей, отчетливо кракнул и просел. Я вдруг поняла, что бабушка умерла, что она никогда больше не будет сидеть у окна и пересказывать мне просмотренные сериалы. Это было больно. Я редела и никак не могла остановиться. Когда слезы кончились, я набрала Светку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.